

*...эта книга — для Боба;
какое-никакое объяснение событий прошлого года...*

Часть первая

РИДРА ВОН

...Вот средоточье тайн. На улицах неонот
струятся призраки. Двусмысленные тени
скрывают лица юношей неюных, вдруг
от всплеска темноты стал рот беззубым
и губы свежие сжимаются в полоску, кислота
по янтарю щеки стекает; запускает пальцы тьма
меж ног, дугу лобка ломает
и проступает черным тромбом на груди,
пока не сгонит ее свет или движение,
тогда нальются губы, засочатся кровью.
Здесь, говорят, путаны красят губы кровью.
Здесь, говорят, одни и те же толпы
прихлынут в улицы, что позже и отхлынут,
как будто сор, что море на́ берег выносит,
чтобы попятно утянуть в пучину, снова
бросает на песок, чтоб снова захватить
волной и прочь умчать. Плавающий сор;
их бедра узки по сравнению с плечами,
их длани грубы, будто песьи, — то шакалы
склоняются над жертвой в серых масках.
С лучами солнца исчезают краски...
Последние гуляки видят у каналов,
как молодые моряки бредут к причалу...

Из «Призмы и линзы»

I

Портовый город.

Небо вечно в ржавом мареве, думал генерал. Выбросы и выхлопы окрашивают вечер в оранжево-розово-лиловые тона, но их заглушает резкий красный. На западе пелену облаков прошивают транспортные корабли: везут грузы к звездоцентрам и спутникам. Нищий город вдобавок. Генерал повернул за угол; в этом месте к кромке тротуара прибились наносы мусора. С начала Вторжения — шесть жестоких эмбарго по нескольким месяцам каждое. Они за-

давили город, вся жизнь которого — в межзвездной торговле. Как ему выстоять в изоляции? За последние двадцать лет он задавал себе этот вопрос шесть раз. И всякий раз отвечал — никак. Беспорядки, бунты, погромы; дважды — вспышки каннибализма...

Генерал перевел взгляд с погрузочных башен, высившихся за обветшалым монорельсом, на закопченные здания. По узким улицам в этой части города сновали транспортники и грузчики, изредка проходили космолетчики в зеленой форме и толпами текли бледные, чинные мужчины и женщины, сотрудники огромной бюрократической таможенной службы. Сейчас все спокойны, думалось генералу, каждый занят мыслями о доме и работе. Но все они уже двадцать лет живут в эпоху Вторжения. Они голодали под эмбарго, громили витрины, мародерничали, с воплями разбегались от водометов, крошащимися зубами обгладывали руки трупов.

Кто он такой, этот животный человек? Генерал задавал себе этот абстрактный вопрос, чтобы смазать резкость воспоминаний. Будучи генералом, легче рассуждать о «животном человеке», чем думать о женщине, которая во время последнего эмбарго сидела посередине тротуара, держа за ногу своего младенца, усохшего до скелета, или о трех костлявых девчушках, которые напали на него средь бела дня с бритвами (целя поблескивающим лезвием в грудь, одна сквозь почерневшие зубы шипела: «Иди сюда, бифштекс! Дай мяска!» Он тогда отбился приемами карате), или о слепом, который брел по дороге с истощенными воплями.

Теперь-то эти бледные чинные люди разговаривают полупшепотом, нейтральное выражение лица меняют как бы нехотя, и идеи у них такие же бледные, чинные и патристические: трудиться ради победы над захватчиками; Алона Стар и Кип Райак отлично сыграли в «Космических каникулах», но из больших, серьезных актеров лучший, конечно, Рональд Квар. Слушают музыку хай-лайт (да и слушают ли, думал генерал, когда смотрел на эти медленные танцы, где никто не дотрагивается до парт-

нера). Таможня — служба хорошая и надежная; работать прямо на транспорте, наверное, интереснее, и в фильмах про это увлекательно показывают, но, честно говоря, там такой народ...

Кто поумнее и с запросами, обсуждают стихи Ридры Вон.

О Вторжении говорят часто, но за двадцать лет в газетах и новостных программах сложился определенный канон из нескольких сотен приличествующих теме фраз. Эмбарго если упоминают, то предельно кратко.

Люди из масс. Кто они? Чего хотят? Если дать им слово, что они скажут?

Ридра Вон — голос нашей эпохи (звонкая фраза из восторженной рецензии). Парадокс: именно с ней на встречу и шел генерал, причем по служебной необходимости.

Зажглись фонари, и вдруг на широких окнах бара отлилось его изображение. Точно! Я ведь в штатском. Он увидел высокого мускулистого мужчину; на суровом лице — печать полувекового опыта. В сером костюме ему неловко. Лет до тридцати он казался неуклюжим верзилькой; с тех пор — как раз началось Вторжение — человеком-скалой.

Если бы Ридра Вон пришла в Штаб-квартиру Альянса, он бы себя чувствовал куда увереннее, но сегодня зеленую форму космолетчика пришлось сменить на штатское. Бар какой-то незнакомый, а Ридра — самая знаменитая поэтесса пяти обследованных галактик. Впервые за долгое время генерал почувствовал себя неуклюжим.

Вошел.

И прошептал: «Боже, какая красивая!» Даже не пришлось выискивать ее глазами среди других женщин. «По фотографиям и не скажешь...»

Она обернулась к нему (женщина в зеркале за барной стойкой, заметив его, повернулась спиной), встала, улыбнулась.

Генерал сделал несколько шагов вперед, протянул руку; слова: «Добрый вечер, мисс Вон» — застряли в горле, и он так и проглотил их, не выговорив. Теперь же приго-

товилась говорить она. Помада у нее на губах медного оттенка, и кажется, будто зрачки тоже выкованы из меди.

— Что касается Вавилона-семнадцать, генерал Форестер, я пока его не разгадала.

Трикотажное платье цвета индиго. Волосы стремительным ночным потоком струятся по плечу.

— Это неудивительно, мисс Вон.

Удивительно, подумал он. Она кладет руку на стойку бара, прислоняется к высокому стулу, под синей тканью движется бедро, и каждое движение удивляет, поражает, ошеломляет. Что же я так растерялся? Или она и вправду...

— Но я продвинулась дальше, чем ваши военные спецы.

Нежная линия губ чуть изогнулась, послышался нежный смех.

— Если учесть, что мне о вас рассказывали, это тоже неудивительно.

Кто она? Этот вопрос он обратил к абстрактным людским массам, к своему собственному отражению, к ней самой. Наплевать на остальных, но в ней я должен разобраться. Это важно. Обязательно.

— Начнем с того, — продолжала она, — что это не шифр.

Вихляя и выписывая восьмерки, его сознание вновь вырулило на главную тему.

— Как не шифр? Но в криптографическом отделе установили...

И он запнулся. Во-первых, сам толком не знал, что там установили, а во-вторых, все никак не мог сойти с утесов ее скул, выбраться из пещер ее глаз. Стиснув зубы, генерал приказал мыслям вернуться к Вавилону-17. Не исключено, что с его помощью удастся остановить это двадцатилетнее бедствие.

— То есть мы пытались расшифровать белиберду?

— Это не шифр, — повторила она. — Это язык.

Генерал сдвинул брови:

— Какая разница, шифр, язык... Надо разобраться, о чем там речь. А пока мы ни черта не знаем — только ходим вокруг да около.

Усталость и волнение последних месяцев словно ударили его под дых, тайком вцепились в язык, огрубили его слова.

Ридра перестала улыбаться и положила обе руки на барную стойку. Генералу захотелось смягчить свою резкость.

— Вы ведь сами не работаете в криптографии? — спросила она.

Голос ровный, успокаивающий.

Он отрицательно мотнул головой.

— Тогда немного поясню. Есть два типа шифрования. При первом буквы или заменяющие их символы перемешиваются по определенной схеме. При втором вместо букв, слов или сочетаний слов пишут другие буквы, значки или слова. Оба метода можно использовать вместе, но у них есть одно общее свойство: если известен ключ, вводишь его — и получаются логичные предложения. Но у языка своя внутренняя логика, своя грамматика, свой способ осмысления мира при помощи слов, своя понятийная сетка. Тут не может быть ключа, который выдаст точное значение. В лучшем случае можно получить приблизительный перевод.

— Получается, тексты на Вавилоне зашифрованы с помощью какого-то другого языка?

— Нет. Я это сразу проверила. Можно сделать вероятностное сканирование по ряду элементов, даже если они перемешаны, и проверить на корреляцию с известными языковыми явлениями. Пусто. Вавилон-семнадцать — это язык, который мы не понимаем.

— Вы намекаете, — генерал Форестер попытался улыбнуться, — что раз это не шифр, а инопланетный язык, то надежды нет.

Если это поражение, услышать о нем от Ридры почти награда. Но она покачала головой:

— Вовсе нет. Неизвестные языки порой расшифровывались и без перевода. Те же линейное письмо Б и хетт-

ский. Но если братья всерьез, мне нужно знать о Вавилоне-семнадцать гораздо больше.

Генерал удивленно приподнял брови:

— Куда уже больше? Мы дали вам все образцы. Если получим новые, обязательно...

— Генерал Форестер, мне необходимо знать все, что вам известно о Вавилоне-семнадцать. Где, когда, при каких обстоятельствах к вам попали эти записи. Все, что может дать зацепку, подсказать, о чем речь.

— Мы передали всю информацию, которую...

— Вы мне дали десять страниц напечатанной через двойной интервал абракадабры с кодовым названием «Вавилон-семнадцать» и спросили, что она значит. Если других сведений не будет — не знаю. Если будут, может, узнаю. Все просто.

«Если бы это было просто, если бы только это было так просто, мы бы к вам, Ридра Вон, не обратились», — подумал он.

— Если бы это было просто, если бы только это было так просто, вы бы ко мне не обратились, — сказала она.

Он замер. На долю секунды им овладело нелепое убеждение, что она прочитала его мысли. Да нет, просто верно оценила положение. Разумеется.

— Генерал Форестер, шифровальщики ваши догадались, что это язык?

— Мне, по крайней мере, не доложили.

— Почти уверена, что не догадались. Я обнаружила кое-какие грамматические структуры. А они?

— Нет.

— Они, конечно, собаку съели на шифрах, но о природе языка ничего не знают. Вот, в частности, из-за этой идиотской однобокости я с ними уже шесть лет не работаю.

«Кто она?» — вновь подумал он. С утра ему принесли на нее досье, но он передал его помощнику, а сам только заметил — уже позже, — что на нем стоит: «Допустить». Неожиданно для себя он сказал:

— Мисс Вон, не расскажете немного о себе? Тогда мне будет легче говорить с вами откровеннее.

Не очень логично, но произнес он эти слова с неторопливой уверенностью. Она вроде посмотрела как-то вопрошительно?

— Что вас интересует?

— Пока я знаю только ваше имя и то, что раньше вы работали в военной криптографии. Еще я знаю, что, хотя вы ушли со службы в совсем юном возрасте, репутация у вас такая, что сейчас, шесть лет спустя, люди, которые вас помнят, промучившись месяц с Вавилоном, в один голос сказали: «Зовите Ридру Вон». — Он помедлил. — И вы говорите, что уже кое-что обнаружили. Значит, они не ошиблись.

— Давайте выпьем.

Бармен мягко приблизился и удалился, оставив на стойке два небольших бокала с зеленоватой жидкостью. Она пригубила, поглядывая на генерала. Ее глаза, подумал он, как взмах удивленных крыльев.

— Я не с Земли, — сказала она. — Мой отец работал инженером-связистом в Звездоцентре Икс-одиннадцать-Б, за Ураном. Мать была переводчицей в Совете внешних миров. До семи лет я росла в Звездоцентре этой избалованной дочерью полка: детей там было мало. В пятьдесят втором мы подались на твердую почву: переехали на Уран-двадцать семь. К двенадцати годам я знала семь земных языков и могла объясниться на пяти инопланетных. Языки заседают у меня в голове, как у большинства людей — слова популярных песен. Родителей я потеряла во время второго эмбарго.

— Вы тогда были на Уране?

— Вы знаете, что случилось?

— Я знаю, что внешние планеты пострадали гораздо сильнее внутренних.

— Ничего вы не знаете. Но это правда: пострадали. — Ридра сделала глубокий вдох; неожиданно нахлынули воспоминания. — Хотя, чтобы об этом рассказывать, одного

бокала мало. Из больницы меня выписали с подозрением на повреждение мозга.

— Повреждение мозга?

— Недоедание — об этом вы слышали. Плюс нейрочума.

— О чуме я тоже слышал.

— В общем, меня отправили на Землю к тете с дядей на лечение. Только нейротерапия мне была не нужна. И я не знаю, в чем тут дело, в психологии или физиологии, но после всего этого у меня развилась абсолютная вербальная память. В принципе она почти такой у меня и была всю жизнь, так что ничего удивительного. Но добавилась и абсолютный слух.

— Обычно у таких людей еще и способность к молниеносным вычислениям и превосходная зрительная память? Да, шифровальщику очень кстати.

— Я неплохо знаю математику, но считать, как калькулятор, не могу. В тестах на визуализацию и пространственные отношения у меня довольно высокие показатели — цветные сны и все такое, — но абсолютная память относится только к словам. К тому времени я уже начала писать. Летом устроилась на госслужбу переводчицей и начала осваивать шифры. Скоро стало ясно, что у меня есть особый... дар. Шифровальщик из меня так себе. Не хватает терпения корпеть над чем-то, что написала не ты. И нервничаю страшно. В итоге целиком ушла в поэзию. Но этот «дар» иногда меня даже пугал. Бывало, навалится куча работы, а хочется заниматься совсем другими делами, да еще и боишься схватить от начальника нагоняй, и вот в такие моменты вдруг все, что я знала о вербальной коммуникации, как-то разом сходило в голове в одну точку и мне становилось легче взять и прочесть зашифрованный текст, чем сидеть, и переживать, и мучиться с ним дальше. — Она взглянула на свой бокал. — В общем, понемногу я научилась своим даром управлять. К девятнадцати годам меня уже знали как девчущку, которая может разгадать что угодно. Наверное, пригодилось чувство язы-

ка: я быстрее улавливала закономерности — вот как с Вавилоном по наитию почувствовала грамматический строй.

— А почему оставили службу?

— Две причины я уже называла. Третья же в том, что мне просто-напросто захотелось попользоваться даром для себя. В девятнадцать я уволилась из армии, ну и... вышла замуж и начала писать всерьез. Через три года появилась первая книга. — Она пожала плечами, улыбнулась. — А что было дальше — читайте стихи. Там все написано.

— И теперь на планетах пяти галактик все ищут в ваших строках ключ к тайне совершенства, любви, одиночества.

Эти три слова вскочили в конец его предложения, как бродяги в товарняк. Она стояла перед ним и была совершенна. А он, вырванный из привычного военного окружения, чувствовал себя безнадежно одиноким и влю... Стоп! Этого не может быть, это смехотворно, да и чересчур примитивно, чтобы объяснить, что бьется в его глазах, дрожью пробегает по пальцам.

— Еще бокал?

Рефлекторная защита. Но она воспримет ее как рефлекторную вежливость. Или нет? Бармен пришел и ушел.

— На планетах пяти галактик, — повторила она. — Так странно... Мне всего двадцать шесть.

Взгляд ее ушел куда-то за зеркало. Ее первый бокал был еще наполовину полон.

— Китс до вашего возраста не дожил.

Она пожала плечами:

— Мы живем в странное время. Оно подхватывает кумиров совсем молодыми, вдруг. И так же внезапно отбрасывает.

Он кивнул, вспомнив пять-шесть певцов, актеров, даже писателей, которые попадали в разряд гениев, когда им не было еще и двадцати или чуть за двадцать, а потом года через два бесследно исчезали. Да и слава самой Ридры держалась пока всего три года.

— Я тоже человек своего времени, — сказала она. — Хотелось бы, чтобы мои стихи его пережили, но я такая, какая есть, во многом потому, что живу в эту эпоху. — Она отвела руку от бокала. — Вам в армии, наверное, тоже так кажется. — Она подняла взгляд. — Ну что, удовлетворены?

Генерал кивнул. Солгать жестом легче, чем словами.

— Отлично. Тогда расскажите про Вавилон-семнадцать.

Он оглянулся было в поисках бармена, но, заметив краем глаза какое-то сияние, вновь перевел взгляд на лицо поэтессы. На самом деле она просто улыбнулась, но ему и впрямь показалось, что зажегся свет.

— Берите. — Она придвинула ему свой второй бокал. — Мне и одного хватит.

Он взял, отпил:

— Понимаете, мисс Вон... он как-то связан с Вторжением.

Она оперлась на локоть, сузила глаза.

— Все началось с цепочки несчастных случаев... По крайней мере, так мы сперва думали. Теперь уверены, что это диверсии. Они происходят с декабря шестьдесят восьмого по всей территории Альянса. То на боевых кораблях, то на верфях космофлота. Обычно выходит из строя важное оборудование. Дважды взрывами убило высокопоставленных чиновников. Несколько раз такие «аварии» случались на ключевых военных заводах.

— Какая связь между всеми этими «авариями», кроме того, что они имеют отношение к войне? В конце концов, у нас сейчас вся экономика на военных рельсах, любой несчастный случай на производстве бьет по оборонному заказу.

— А связь, мисс Вон, — это Вавилон-семнадцать.

Она допила и поставила бокал точно на мокрый круглый след.

— Непосредственно перед несчастным случаем, — продолжил генерал, — во время него и сразу после в районе происшествия идет активный радиообмен с приме-

нением неустановленных устройств. Причем диапазон их в основном не превышает пары сотен ярдов. Хотя иногда по гиперстатическим каналам приходят мощные сигналы с расстояния в несколько световых лет. Мы транскрибировали радиоперехваты с трех последних «аварий» и обозначили их кодовым словом «Вавилон-семнадцать». Ну что? Пригодится?

— Да. Вполне вероятно, что это указания для диверсантов и их отчеты в центр...

— Но мы ничего не можем обнаружить! — В голосе генерала прорезалось раздражение. — Только эта чертова белиберда по радио молотит. В конце концов кто-то заметил повторы — вдруг шифр? Шифровальщики заинтересовались, месяц мудрили, ничего не добились и в итоге связались с вами.

Пока он говорил, Ридра размышляла.

— Генерал Форестер, мне бы хотелось получить исходники этих перехватов и подробный отчет, если можно посекундный, о том, что в это время происходило, с привязкой к записям.

— Не знаю, есть ли...

— Если нет такого отчета, сделайте во время следующей аварии. Если этот радиосум на самом деле разговор, я хочу проследить, о чем идет речь. Может, вы не заметили, но на вашей распечатке не обозначено, где чей голос. Выходит, надо расшифровать текст сложнейших инструкций, набранный без пунктуации и даже без разбивки на слова.

— Я вам, наверное, смогу предоставить все, кроме исходных записей...

— Так не пойдет. Я должна сделать транскрипцию сама, тщательно, на своем оборудовании.

— Мы сами сделаем по вашим указаниям.

Она покачала головой:

— Или я транскрибирую сама, или ничего не обещаю. Тут же еще проблема фонем и аллофонов. Ваши люди не подозревали, что это язык, так что им и в голову не пришло...

— Проблема чего? — перебил он.

— Слышали, как некоторые люди с Востока, говоря на западных языках, путают «л» и «р»? Это потому, что «л» и «р» во многих восточных языках — аллофоны, варианты одного и того же звука. Они и записываются, и слышатся одинаково. Примерно как в английском межзубный звук «th» — в начале слов «they» и «theater».

— А что, есть разница?

— Прислушайтесь: один звонкий, второй глухой. На самом деле они различаются не меньше, чем «в» и «ф», но только в английском они аллофоны, и вы привыкли воспринимать их как одну и ту же фонему.

— Гм.

— Теперь представьте себе, что язык пытается расшифровать «иностранец», который им не владеет. В речевом потоке он может выделить слишком много звуков. Или, наоборот, слишком мало.

— И как же быть?

— Ну, я знаю фонетические системы многих языков, да и чутье поможет.

— Опять ваш «дар»?

— Он, — улыбнулась Ридра.

Она ждала его согласия. Да на что бы он не согласился ради нее? Но модуляции ее голоса генерала на мгновение отвлекли.

— Разумеется, мисс Вон. Вы же наш главный эксперт. Завтра приходите в криптографию, и вам предоставят все, что нужно.

— Спасибо. Я тогда же и подам рапорт.

Он замер в луче ее улыбки. Надо идти! Что же сказать напоследок?!

— Прекрасно. Тогда до завтра.

Да нет, не то! Нужно что-то...

Он с трудом повернул корпус (надо уходить)... что же еще сказать... спасибо вам, хорошо с вами, люблю вас... Пока он шел к двери, мысли его приобрели членораз-

дельность: кто она? Господи, как мало удалось сказать! Хорош я был: все так лаконично, четко, без нежностей! А моя душа, а глубина мысли? Дверь была открыта, и вечер провел голубыми пальцами ему по глазам, дунул прохладой в лицо.

Боже, во мне столько всего, а она и не подозревает! Я ничего, ничего не смог выразить! Где-то в глубине за этим словом — «ничего» — маячило: «Так безопаснее». Но на поверхности бушевала ярость против собственной немоты. Не смог выразить ничего...

Вцепившись в край барной стойки, Ридра поднялась и устремила взгляд в зеркало. Бармен подошел убрать бокалы, потянулся к ним, нахмурился:

— Мисс Вон!

Она не реагировала.

— Мисс Вон, у вас все...

Костяшки ее пальцев побелели, и, пока бармен смотрел, эта белизна расплзлась по рукам, превращая их в дрожащий воск.

— Мисс Вон, вам плохо?

Она зыркнула на него. И — резким саркастическим сдавленным шепотом:

— А что, заметно?!

Развернулась и быстрыми шагами пошла к выходу. Закашлялась, на секунду замешкалась и снова побежала.

II

— Моки, ты мне нужен!

— Ридра?

Доктор Маркус Г'мварба оторвал голову от подушки. В темноте над кроватью засветилась мутноватая картинка с лицом поздней гостьи. Доктор Г'мварба прищурился, потом медленно открыл глаза:

— Ты где?

— Внизу. Моки, пожалуйста, очень нужно поговорить.

Все черты выдают крайнее волнение, глаза бегают из стороны в сторону, чтобы не встретиться с его.

— Заходи.

Картинка погасла.

Он провел рукой над пультом в стиле рококо, и роскошную спальню залил мягкий свет. Откинул золотистое одеяло, спустил ноги на меховой ковер, взял с узловатой бронзовой колонны черный шелковый халат, накинул, и контурные нити автоматически запахнули полы и расправили ткань на плечах. Т'мварба вновь скользнул пальцами по индукционной панели — распахнулись алюминиевые створки серванта, и из его глубин выехал дымящийся кофейник и графинчики с ликерами. Другим жестом хозяин выпустил из-под пола шарообразные кресла и запустил наддув.

Он повернулся ко входному шлюзу, что-то скрипнуло, распахнулись слюдяные дверцы, и на пороге возникла запыхавшаяся Ридра.

— Будешь кофе? — Он подтолкнул кофейник, его подхватило силовое поле и аккуратно понесло к ней. — Что стряслось?

— Моки, я... тут...

— Выпей кофе сначала.

Она налила чашку, поднесла к губам:

— Успокоительного не подсыпал?

— Шоколадный или кофейный? — Он протянул две рюмки. — Если, конечно, не боишься, что алкоголь — это тоже нечестно. Кстати, с ужина остались сосиски с фасолью. Были гости.

Она мотнула головой:

— Только шоколадного.

Рюмка отправилась по силовому лучу вслед за кофейником.

— У меня был чудовищный день. — Он сложил руки на груди. — После обеда сидел без работы. Потом пришли

гости — и давай спорить. Не успели уйти — шквал звонков. Добрался до постели десять минут назад. — Он улыбнулся. — А как твой вечер?

— Моки... ужасно.

Доктор Т'мварба пригубил ликер:

— Отлично. Иначе я бы тебе такое устроил, что разбудила.

Ридра против воли улыбнулась:

— Д-да уж... д-дождешься от тебя сочувствия.

— От меня дождешься здравого смысла и компетентной психиатрической помощи. Сочувствия? После половины одиннадцатого — вряд ли. Садись. Что случилось?

Еще один пасс рукой — и к ней сзади подъехал стул, легко коснулся ног, приглашая сесть.

— Рассказывай уже, хватит заикаться. Ты еще в пятнадцать лет от этого вылечилась.

Голос хозяина стал ласковым и в то же время излучал уверенность.

Она отпила кофе:

— Помнишь, я работала над шифром?

Доктор Т'мварба опустил в широкий кожаный гамак и пригладил взъерошенные после сна седые волосы.

— Я помню, что к тебе обращались военные. Ты еще фыркнула.

— Да. И... в общем, это не шифр, кстати, а язык... но сегодня вечером я говорила с генералом, главным у них, Форестером, и... оно опять случилось... как тогда. Я знала!

— Что знала?

— Как в прошлый раз. Я знала, о чем он думает!

— Ты читала его мысли?

— Нет. Все было как в прошлый раз! Я угадывала, что он собирается сказать, по тому, что он делал, как вел себя...

— Ты мне пыталась объяснять, но я так и не понял. Это что, телепатия?

Она покачала головой. Потом еще раз.

Т'мварба сцепил пальцы и откинулся назад. Вдруг ровным голосом Ридра произнесла:

— «Нет, я примерно представляю себе, что ты имеешь в виду, но давай, дорогая, формулируй яснее». Ты ведь это хотел сказать, Моки?

Доктор приподнял седые щетки бровей:

— Да. И что, ты не прочитала мои мысли? Сколько раз уже так делала...

— Я знаю, что хочешь сказать ты, но ты не знаешь, что хочу сказать я. Это несправедливо! — Она даже привстала с кресла.

— Вот почему ты такой хороший поэт, — произнесли они одновременно.

Ридра продолжила:

— Да, Моки, согласна. По идее, поэт тщательно продумывает каждую идею, преобразует ее в строку, чтобы читатели поняли. Но у меня уже десять лет все по-другому. Как? Люди бросают мысли и фразы на полуслове, чувствуют что-то сумбурное и не могут толком выразить что, и мне от этого больно. Я прихожу домой, навожу порядок, отгачиваю, полирую, привариваю к ритмической раме, тусклое заставляю светиться, аляповатое приглушаю до постели — и вот, уже не больно. Так рождаются мои стихи. Я знаю, что пытаются сказать другие, и говорю за них.

— Голос нашей эпохи...

Ридра разразилась непечатной тирадой. На ресницах у нее заблестели слезы.

— А что я сама хочу сказать, что у меня-то внутри... — она вновь покачала головой, — этого выразить не могу.

— Если хочешь расти как поэт, придется научиться.

Она кивнула:

— Моки, я ведь только год назад поняла, что говорю чужими мыслями. Раньше думала, что своими.

— Любой молодой автор, если он хоть чего-то стоит, проходит этот этап. Так и учишься ремеслу.

— А теперь у меня действительно появились свои мысли. И это не то, что говорили до меня, только в оригинальной упаковке. И не попытка ниспровергнуть предшественников — что, в сущности, то же самое. Это действительно новые вещи, и я боюсь до смерти.

— Без этого из начинающих маститым не станешь.

— Моки, повторять за другими легко — свое говорить трудно.

— Молодец, начинаешь понимать. Может, теперь расскажешь, как у тебя получается это... угадывание?

Она помолчала секунд пять, потом еще пять.

— Хорошо, попробую еще раз. Перед тем как уйти из бара, я стояла у стойки и смотрела в зеркало. Бармен спросил, в чем дело.

— Он почувствовал, что тебе плохо?

— Да ничего он не почувствовал, он посмотрел на мои руки. Я вцепилась пальцами в стойку, и кожа побелела. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: что-то у меня творится на душе.

— У барменов на такие штуки глаз наметанный. Работа такая. — Он допил кофе. — Говоришь, пальцы побелели? Ну и что же сказал генерал? Или что не сказал, но хотел сказать?

У Ридры дважды дрогнул желвак на щеке. «Просто нервы? Или тут что-то поконкретнее?» — подумал Т'мварба.

— Это человек энергичный, прямолинейный, знаток своего дела, — начала она. — Судя по всему, не женат. Кадровый военный — со всей вытекающей отсюда неуверенностью в себе. Разменял шестой десяток и к возрасту еще не привык. Когда он вошел в бар, сначала прищурился, потом распахнул глаза; рука у него свободно лежала на бедре, но вдруг пальцы сжались и распрямились; шаги он сперва замедлил, но, подойдя поближе, ускорился; а руку мне пожал так, будто боялся сломать.

Т'мварба улыбнулся и не смог сдержать смеха:

— Да он влюбился!

Она кивнула.

— Ну и чего ты расстроилась? Даже лестно.

— Конечно. — Она подалась вперед. — Мне и было лестно. И я наблюдала за всем этим как бы изнутри его головы. Один раз, когда он никак не мог сосредоточиться на этом шифре, Вавилоне-семнадцать, я сказала в точности то, о чем он подумал. Хотела, чтобы он знал: я совсем близко. Ему на секунду показалось, что я читаю его мысли...

— Подожди-ка. Не понимаю. Как ты поняла, о чем конкретно он подумал?

Она показала себе на лицо:

— Вот здесь у него все было написано. Я попросила дополнительную информацию. Ему это не понравилось. Я сказала, что либо они мне ее дают, либо с расшифровкой ничего не выйдет — все просто. Он чуть приподнял голову и замер: собирался покачать. А если бы он покачал головой и чуть выпятил губы, что, на твой взгляд, это бы значило?

Доктор пожал плечами:

— Что все не так просто, как ты думаешь?

— Да, но он заменил этот жест другим. Что это значит? Т'мварба показал, что не знает.

— Он заменил этот жест другим, потому что связал эту «непростоту» со мной. И не покачал головой, а приподнял ее.

— Видимо, что-то вроде: «Если бы это было так просто, мы бы не позвали вас».

— Точно. Но он приподнял голову не одним движением, а чуть помедлил на полпути. Понимаешь, что за этим стоит?

— Нет.

— «Если бы это было просто, — тут пауза, — если бы только это было так просто, мы бы к вам не обратились».

Она развернула сложенные на коленях руки ладонями вверх.

— И я выдала ему в точности эту фразу. Он сжал зубы...

— От удивления?

— Да. Тогда-то он и задумался на секунду, не читаю ли я мысли.

Доктор покачал головой:

— Больно гладко у тебя выходит. Да, интерпретация мимики дает неплохие результаты. Особенно если знать, на чем примерно человек сосредоточен. Но слишком уж верное попадание. Давай вернемся к тому, почему ты так распереживалась. Что, внимание этого... неотесанного вояки оскорбило твою скромность?

В ответ Ридра выдала нечто не особо скромное и отесанное.

Г'мварба прикусил губу и подумал, заметила ли она.

— Я уже не девочка, — сказала она. — Да и ни о чем таком неотесанном он не думал. Как я и сказала, было даже приятно. И этот трюк я проделала только затем, чтобы он понял: мы на одной волне. Мне он показался очень милым. И если бы он считывал так же точно, как я, он бы понял, что у меня к нему самые добрые чувства. Но когда он развернулся и пошел... — в ее голосе вновь слышалась хрипотца, — последняя мысль у него была: «Она и не подозревает! Я ничего не смог выразить».

Ее глаза потемнели — точнее, она немного наклонилась вперед и полуприкрыла веки, чтобы глаза показались темнее. Этот переход он видел уже тысячу раз, с тех пор как тощую двенадцатилетнюю девочку с аутизмом впервые привели к нему на нейротерапию, которая затем сменилась психотерапией, а в итоге переросла в дружбу. Но только сейчас он впервые уловил, от чего получается этот эффект. Точность ее наблюдений подтолкнула и его быть к людям внимательнее. Вышло так, что, когда курс лечения официально закончился, они словно вернулись на исходную и врач присмотрелся к своей подопечной с новым любопытством. Что означало это потемнение глаз, кроме перемены? Он понимал, что выдает свой характер тысячью мелких подробностей, которые она считывает, как под микроскопом. Доктор Г'мварба, человек небед-

ный, тертый калач, знал многих людей, чья репутация не уступала славе молодой поэтессы. Репутации мало его впечатляли. А вот Ридре это часто удавалось.

— Он решил, что я не поняла. Что ничего не удалось высказать. И я разозлилась. Мне стало обидно. Все эти нелепости, которые разобщают людей и обволакивают мир паутиной, словно заплясали у меня перед глазами — чтобы я их распутала, объяснила, а я не знала как. Не могла подобрать нужных слов, не понимала, какая здесь нужна грамматика, синтаксис. И...

Какая-то новая мысль пробежала по ее восточному лицу, и он попытался ее ухватить:

— Что?

— Язык этот еще... Я ведь рассказывала про свой «дар».

— Ты вдруг поняла этот язык?

— Форестер упомянул, что их запись, оказывается, не монолог, а диалог. Я как раз что-то такое смутно подзревала. И тут я поняла, что сама могу определить, где меняются голоса. А потом...

— Но ты понимаешь смысл?

— Кое-что уже лучше, чем сегодня днем. Но что-то в самом этом языке меня пугает — даже сильнее, чем генерал Форестер.

— В самом языке? — Лицо Т'мварбы отразило недоумение. — Что?

У Ридры на щеке вновь дернулась мышца.

— Во-первых, кажется, я знаю, где произойдет следующий несчастный случай.

— Несчастный случай?

— Диверсия, которую планируют захватчики. Если это, конечно, захватчики, в чем я не уверена. Но сам язык, он... странный.

— То есть?

— Компактный. Сжатый. Скомпрессированный. Тебе это ни о чем не говорит, да? В отношении языка?

СОДЕРЖАНИЕ

БАВИЛОН-17. <i>Перевод Д. Бузаджи</i>	5
От переводчика	215
ЗВЕЗДА ИМПЕРИИ. <i>Перевод О. Исаевой</i>	219
От переводчика	307
БАЛЛАДА О «БЕТЕ-2». <i>Перевод О. Исаевой</i>	309
ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ЭЙНШТЕЙНА. <i>Перевод О. Исаевой</i>	395
От переводчика	397
<i>О. Исаева</i> . Мифы в «Пересечении Эйнштейна»	534